

УДК 811.112.2□42

ХОХДОЙЧ ПО-БАВАРСКИ

Л.В. Самуйлова

Тверской государственной университет, Тверь

Речевая ткань повествования от первого лица в серии провинциальных детективов Риты Фальк анализируется под углом зрения её принадлежности к конкретной разновидности современного немецкого. Грамматическая канва авторской речи имеет отчётливую южно-немецкую диалектную окраску.

Ключевые слова: *речевая разновидность, хохдойч, баварский, диалектная окраска, авторская речь, грамматические особенности.*

Ein gebürtiger Leipziger und allein sein
Dialekt ist schon schmerzensgeldtauglich.
(R. Falk. Winterkartoffelknödel)

Вводные замечания. Источником эмпирического материала статьи послужили бестселлеры (по версии «Шпигель») немецкой писательницы Риты Фальк (Rita Falk): «Winterkartoffelknödel», «Schweinskopf al dente», «Zwetschgendatschikomplott». Жанровая принадлежность романов определяется автором как «провинциальный детектив» (Provinzkrimi). Повествование ведётся от первого лица – полицейского Франца Эбергофера (Franz Eberhofer), вынужденного покинуть свой пост в полиции Мюнхена. Должностным штрафом явился перевод Франца Эбергофера на его баварскую родину, в Нидеркальтенкирхен (Niederkaltenkirchen). Локализация сюжета предполагает наличие в произведениях Риты Фальк рефлексов диалектно окрашенной разговорности. Предположение подтверждается с первых страниц романов. Палитра устности настолько богата, что может вызвать у читателя, привыкшего к немецкому языковому стандарту, некоторое недоумение, даже лингвистический шок. Примерно такой, какой испытывает иностранец, изучавший язык в отрыве от страны его носителей, преимущественно в письменной фиксации и на звучащих образцах стандарта, когда попадает в устную (разговорную) речевую стихию.

Заголовок статьи спровоцирован высказыванием главного героя, Франца Эбергофера, которому письменная фиксация монофтонгов восточного диалекта его собеседника доставляет прямо-таки телесные страдания и поддерживает у него единственное желание оставаться верным своему привычному языку, статус которого он определяет как «хохдойч» (Hochdeutsch). Ср., как пассаж «звучит» на языке оригинала:

«Ach, hör doch auf!» sagte er. Das heißt, eigentlich sagt er: uff. Also: Hör doch uff. Das ist sein Ossi-Dialekt. Da es mir aber direkt körperliche Schmerzen bereitet, das so zu erzählen, bleib ich bei meiner gewohnten Sprache. Also Hochdeutsch.

Хохдойч: историко – терминологический и понятийный экскурс. Терминологическая номинация Hochdeutsch (дословно «высокий немецкий») входит в группу терминов, обозначающих экзистенциальную форму (Existenzform) немецкого языка, которая наделена «высоким» статусом. Перечень её номинаций достаточно насыщен. Кроме Hochsprache в

него, как правило, входят следующие: *Schriftsprache, Literatursprache, Kultursprache / Kulturdialekt, Einheitssprache, Gemeinsprache, Hauptsprache, Koine, Standardsprache / Standardvarietät, Gebildetensprache*). Синонимические ряды: *Literatursprache – Standardsprache – Hochsprache – Schriftsprache – Einheitssprache*», а также с пометой «полные или частичные синонимы»: *Gemeinsprache – Hochsprache – Schriftsprache – Einheitssprache – Literatursprache – Standardsprache – Koine* устанавливаются разными авторами в соответствии с задачами собственного исследования и избранным подходом к анализируемому объекту [1–3]. Д. Бауерс [2] выстраивает свою языковую модель под углом зрения реальной коммуникации. Этот ракурс рассмотрения заставляет его переосмыслить принятую полярность разновидностей (*Hochsprache – Dialekt*) и противопоставить: *Hochsprache – Umgangssprache* как форме непринужденного общения, «небрежного» употребления *Hochsprache (eine lässige Gebrauchsform)*.

В предложенную Д. Бауерсом конфигурацию разновидностей вписывается речевой регистр Франца Эбергофера. Это никоим образом не *Hochdeutsch* в означенном выше понимании, это не диалект в его «чистом» проявлении. Это полярная *Hochsprache* форма разговорного языка (*Umgangssprache*), маркированная той долей небрежности и диалектной окрашенности, которая допускается рамками непринужденного общения и повествования. Франц Эбергофер пишет в полном соответствии с первичным правилом буквенного письма «Пиши, как говоришь!» («*Schreibe, wie du sprichst!*»). Причём, это утверждение справедливо не столько для фонографии, сколько для грамматического оформления речи.

Речевые портреты других участников событий, описываемых в трёх названных выше романах, также тяготеют к южно-немецкому типу разговорности. Соблюдение заявленного во вводных замечаниях к статье ракурса рассмотрения с апелляцией к центральному действующему лицу – рассказчику – ограничивает эмпирическое поле речью Франца Эбергофера, что не обедняет, однако, иллюстрацию речевой палитры «баварского немецкого».

Фономорфологические особенности. Графическая презентация фонеморфологических явлений для передачи разговорности в целом стандартна: элизия в сумме её проявлений – опокопы, синкопы, аферезиса (*heut, nix, grad, drüber, ran, gaus, drinnen, drauf, rüber, rein* др.). Чрезвычайно частотны опокопированные формы первого лица глагола, однако, не исключаются и цельноформленные флексии. (Выделение подчёркиванием здесь и далее наше – Л.С.). Ср.:

Eine ganze Weile wandere ich am Strand entlang und bin verhältnismäßig sauer. Mach mir Gedanken über Gedanken und hoff, dass es bald zwei Uhr wird, weil ich mich da mit dem Ferrari treff. Ich schau im Minutenrhythmus auf die Uhr, und es sind noch Stunden, bis es so weit ist (8).

Среди немногочисленных «стянутых» форм (контрактур) интересны примеры слияния союза *wenn* с личным местоимением второго лица единственного числа *du*. Апостроф указывает на редукцию конечного гласного, однако, этот графический сигнал опокопы употребляется не последовательно, на что указывает второй литературный фрагмент:

Dann ruf ich erst mal daheim an, weil: wennst' so ein Gefühlswirrwarr hast, ist die einzige Rettung eine vertraute Stimme (8).

«Du, wennst nicht schon wieder ein Loch in deiner Scheibe haben willst, dann kommst lieber mit», muss ich jetzt leider drohen (6).

Наблюдаются случаи слияния императивных форм второго лица множественного числа с личным местоимением первого лица множественного числа в дательном падеже (dativus eticus) – uns.

«Machts den Gang frei, Leute!», ruf ich hinaus. «Der Typ ist bewaffnet und hat zwei, ich wiederhole, zwei Geiseln. Kratzt hier die Kurve und gehts in eure Zimmer, die auf der linken Seite zuerst. Und machts die Türen zu, auf geht's! Das ist keine Übung, verstanden! Wir gehen jetzt in den Hof raus und holen einen Wagen» (6).

В следующем литературном фрагменте контрактура образована стяжением глагольной формы третьего лица множественного числа и «вежливого» местоимения Sie, графически представленного одной буквой s. Отсутствие гласных маркировано апострофом. Ср.:

«Da brauchens' jetzt gar keine Angst haben, Frau, ich kümmerge mich drum», sag ich ziemlich heroisch (8).

Морфолого – синтаксические особенности. Тяготение к аналитизму отчётливо прослеживается на примере собственных имён и кличек животных, которые последовательно употребляются с определённым артиклем. Например:

Ich gehe also heute zum Simmerl (8).

Der Simmerl ist auch da mit seiner Frau, der Gisela (8).

Wie ich am Abend meine Runde mit dem Ludwig (кличка собаки – Л.С.) drehe, stoße ich unterwegs auf den Flötzing (6).

Такое навязчивое подчёркивание грамматического рода носителей имён и кличек не привычно для читателя, привыкшего к стандартному опущению артикля, оставляет впечатление формально-графической перегруженности текста. На нём, однако, базируется целый ряд других морфолого-синтаксических особенностей.

Так, чрезвычайно активны падежно-местоимённые замены генитива. Ключевую роль в конструкциях-субститутах играет так называемый «поссесивный дательный» (possessiver Dativ), который в сочетании с притяжательным местоимением замещает атрибутивный генитив. Дательный падеж представлен исключительно собственными именами (и обозначениями ближайших родственников), стоящими с определённым артиклем. С XVIII века конструкция, несмотря на её повсеместное распространение и высокую частотность, была «приговорена» прескриптивными грамматиками как «неподобающая высокому немецкому» (см. об этом: [5: 252]). Она сохраняет этот статус и в настоящее время, так и не найдя путь в письменный немецкий стандарт, к изумлению авторов грамматики серии Дуден (eigenartigerweise [ist possessive Konstruktion – Л.С.] bisher aber nicht in die geschriebene Standardsprache aufgenommen worden [4: 835]). Ср. литературные фрагменты и падежные трансфор-

мации possessивного датива (+ притяжательное местоимение) в атрибутивный генитив или аналитическую конструкцию с предлогом von.

Und wenn ich daran denke, was alles da drin stand, bei dem Küstner seiner Verurteilung (7) → bei Küstners Verurteilung

Mir klingen dem Moratschek seine Worte im Ohr von wegen Mut und so (7) → die Worte von Moratschek

Dem Leopold sein Auto steht im Hof (6) → Leopolds Auto

Wenn ich meine Todesart einmal selber bestimmen könnte, würde ich gern in der Oma ihrer Biersoße ersaufen. (7) → in der Biersoße der Oma

Несколько отступают от привычной конфигурации приводимые ниже примеры. В них глагольное управление, требующее винительного падежа (werfen in + Akkusativ, denken an + Akkusativ) оказывается сильнее:

«Wir fahren nach Italien!» schreit sie zu mir rüber und wirft die Koffer in den Moratschek seinen alten VW-Bus (7).

Ich hab die Oma vergessen! Es fällt mir siedendheiß ein, grad wie ich so an den Flötzingen seinen Buckel denk (8).

Глагольное формообразование иллюстрирует языково-речевые привычки носителей немецкого языка юга Германии в полном соответствии с грамматическими описаниями. Так, форма сложного прошедшего – перфект – с глаголами, обозначающими состояние, образуется с помощью вспомогательного sein, а не haben, как предписано стандартом. Например:

Der Papa wacht auf und schaut sich den wunderbaren See an. Dann latscht er los und hockt sich ans Ufer. An die gleiche Stelle, wo ich grad gesessen bin (7).

Irgendwann sag ich dann: «Also, der Kerl ist da oben gestanden und hat Ihnen durchs Fenster geglotzt» (8).

Ja, und da ist dann wieder diese Pelzmütze vor der Tür gelegen (8).

Перфект от полнозначного модального глагола mögen образуется с использованием инфинитива (mögen), а не второго причастия (gemocht). Ср.: Sie war beliebt, das muss man schon einmal sagen, und umgekehrt hat sie alle mögen. (8)

Своеобразием отличается расположение составляющих сложного глагольного сказуемого в придаточных предложениях. Трёхчленные глагольные кластеры (Drei-Verb-Cluster [5: 167]), в состав которых входят модальные (и близкие к ним по формообразованию, например: lassen, brauchen) глаголы, допускают следующую стандартную последовательность: 1 – 3 – 2 (где: 1 – вспомогательный глагол для образования перфекта / другой сложной глагольной временной формы, 2 – инфинитив основного глагола, 3 – эрзац-инфинитив модального глагола / другого глагола, близкого модальному по формообразованию). Образцы правильной конфигурации немногочисленны. Ср.:

Nachdem ich den Neuhoferfall ein wenig hab sacken lassen, wird mir langsam klar, dass der Neuhofer wohl doch kein Familienmeuchler ist (7).

История немецкого языка и реалии современных немецких диалектов дают иные образцы расстановки составляющих глагольного кластера. Так, последовательность 3 – 1 – 2 типична для баварского. Статистка говорит о преобладании этого типа в целом в западных средненемецких диалектах. За конфигурацией 3 – 1 – 2 следует с небольшим отрывом 3 – 2 – 1 (см. со ссылкой на эмпирические данные: [5: 168]), что свидетельствует о тотальном отклонении от современного стандарта. Ср. следующие литературные фрагменты:

Doch bevor der Papa meine Frage beantworten hätte können, < ... > (6).

< ... > nachdem er mich artig an seinem Wissensstand teilhaben hat lassen (6).

Die hat auch noch im Alter von zweiundneunzig Jahren einen Granny Smith essen können, ohne dass der zuerst püriert hat werden müssen (7).

Речевая активность глагола *tun* в поле устности общеизвестна. Тексты всех трёх романов с их однозначной разговорной стилевой принадлежностью демонстрируют широкую функциональную палитру конструкции *tun* + инфинитив. При этом отмечается явное преобладание образцов с препозицией инфинитива основного глагола (инфинитив + *tun*). Как известно, эта модель признаётся грамматикой серии Дуден нормативной и экспрессивно нагруженной. Ср. следующие литературные фрагменты:

Haben tu ich allerdings nichts davon (6).

Schmecken tut er aber ganz großartig, der Tee (7).

Aufwachen tu ich dann schweißgebadet, wie immer (8).

В функциональном поле немецкого конъюнктива глагол *tun* в форме *täte* активно и успешно конкурирует с кондиционалисом, о чём свидетельствуют следующие примеры:

Da tät man doch meinen, der kennt sich aus (8).

→ Da würde man doch meinen

Dass die zwei halt meinen, ich tät phantasieren (8).

→ ... ich würde phantasieren

Er ist eher so, als tät ihn das grad noch so richtig anheizen (8).

→ ... als würde ihn das grad noch so richtig anheizen

Das dritte meiner Probleme ist die Susi. Weil sie halt mit mir nicht mehr redet. Und ich ums Verrecken gern wissen tät, was sie mit dem Ferrari an dem Abendheim Wolfi so alles besprochen hat (8).

→ Und ich ... wüsste gern (Немецкий стандарт отдаёт предпочтение форме претеритума конъюнктива, а не кондиционалису würde wissen.)

Перечисленные особенности дополняются модализованной конструкцией с глаголом *brauchen*. Употребление его в форме претеритума конъюнктива с умлаутом – *bräuchte* –, а также отсутствие частицы *zu* при инфинитиве основного глагола вряд ли кого сейчас удивят. Заметим, однако, что в каждом примере присутствует обязательное (в соответствии со стандартом) отрицание. Ср.:

«Aber ich glaub, da brauchst dir keine Sorgen nicht machen, Papa» (6).

Da braucht man sich dann auch wirklich nicht wundern, dass unsereiner nicht heiraten will, oder (7).

Справедливости ради приведём пример стандартного присутствия частицы *zu* перед инфинитивом основного глагола, зафиксированного в романе Р. Фальк:

Eine Belobigung brauch ich jetzt gar nicht zu erwarten (7).

Обращаясь к первому примеру серии фрагментов с *brauchen*, заметим, что он содержит ещё один диалектный маркер – двойное отрицание (*doppelte Negation*). Явление кратного употребления в рамках одного предложения различных типов негативных слов немецкий письменный язык изжил, как известно, ещё в XVIII веке. Однако диалекты сохранили его. Подтверждение можно найти в текстах романов Р. Фальк.

Das ist kein Problem nicht (7).

«Und das war kein Spaß nicht, das kannst du mir glauben» (7).

З а к л ю ч и т е л ь н ы е з а м е ч а н и я . Не меньший интерес, чем перечисленные, представляют синтаксические особенности языка Франца Эбергофера, чрезвычайно насыщенного причинными придаточными с *weil*, различающимися порядком слов и графическим пунктуационным оформлением. Заслуживают осмысления и не менее многочисленные придаточные, вводимые союзом *wie*. Обращает на себя внимание выбор глагольной временной формы в придаточных предложениях с союзом *nachdem*. Их специальному рассмотрению будет посвящена следующая статья.

В целях лучшего понимания авторской интенции аннотация на английском языке включает информацию из первого раздела (**в в о д н ы е з а м е ч а н и я**).

Список литературы

1. Ammon U. *Varietäten des Deutschen // Germanistische Linguistik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. S. 204–223.
2. Bowers D. *Umgangssprache – Alltagssprache?: Die praktischen Folgen einer Neuordnung des Variantenschemas // Muttersprache*. 1982. Jahrgang XCII. S.163–173.
3. Braun P. *Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten*. Stuttgart, Berlin, Köln, Kohlhammer: Urban-Taschenbücher, 1998. 270 S.
4. Duden *Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2006. 1343 S.
5. Fleischer J., Schallert O. *Historische Syntax des Deutschen. Eine Einführung*. Tübingen: Narr Francke Attemto Verlag GmbH + Co. KG, 2011. 358 S.
6. Романы Р. Фальк
7. Falk R. *Zwetschgendatschikompott. Ein Provinzkrimi*. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2016. 272 S.
8. Falk R. *Schweinskopf al dente. Ein Provinzkrimi*. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2016. 240 S.
9. R. Falk. *Winterkartoffelknödel. Ein Provinzkrimi*. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2017. 234 S.

HOCHDEUTSCH IN BAVARIA

L.V. Samujlova

Tver State University

The author analyzes the bestsellers of the German writer Rita Falk written in the genre of «provincial detective» (Provinzkrimi). They are narrated in the first person. The plot makes R. Falk play with dialectically colored conversationality. The main character is police officer Franz Eberhofer who returns from Munich to his Bavarian homeland and prefers to use such a rich speech register that casts the readers in a linguistic shock. The main character considers his speech register to be Hochdeutsch but it is a form of spoken language (Umgangssprache), marked by negligence and dialectal coloration. On the other hand, it is not a dialect in its «pure» manifestation. Nevertheless, it allows to distinguish easy dialogue and narration. The article deals with the specification of speech peculiarities of the first person narrative and speech portraits presented in R. Falk's works.

Keywords: *speech variety, Hochdeutsch, Bavarian dialect, dialectal coloring, author's speech, grammatical features.*

Об авторе:

САМУЙЛОВА Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lissam50@mail.ru